

И наступило Первое Мая

Откуда такое название у деревни

А. РОМАН

Было время, когда по нынешней деревне Первое Мая теплыми, как сейчас, летними вечерами гуляли бароны с баронессами. И совсем ведь недавно: в начале уходящего века. Называлась тогда эта территория полумызой Сала. Ее владелец — барон фон Корф держал здесь конюшню, ферму, кузницу. Развел большой сад, который был по-своему уникан: помимо разнообразия ягодников и плодовых деревьев, он славился своим орешником. Снедений о бароне сохранилось не так уж много: имел в соседней Сале кирпичные заводы, входил в Ямбургское земство, избрался в губернское земское Собрание.

После революции, усадьбе фон Корфа крепко досталось от местных пролетариев, ошалевших от свалившегося на них баронского богатства: все разрушили и растащили... О знаменитом орешнике напоминают лишь единичные деревья в окрестных лесах, за что спасибо животным — любителям орехов. Даже караси погибли от новых условий жизни в двух местных прудах. А сами водоемы со временем «забыли» о своем высоком предназначении — услаждать взгляд и успокаивать нервы. Заросли ряской. Можно представить

хликий взгляд потомка фон Корфа на всю эту разрушку в августе 1941 года, когда он оказался в здешних местах в качестве фашиста-захватчика. По местным преданиям, он побывал и в Сале, на могиле своего предка.

После установления границы с буржуазной Эстонией Советская Россия определила полумызу Сала местом дислокации пограничного отряда. И после разграбления деревню ждало еще одно потрясение, на сей раз политического свойства: переименование в Первое Мая... Тескь уже ничто не напоминало о господах: вырубили в барском саду последний орешник, на окрестных полях заколосилась чахлая пшеница, колхозники строили светлос будущее, год за годом ничего не получая за свой труд, кроме мыщических «бумажных» трудодней. Но служба у барона кое-чему научила их, поэтому учально подсобное хозяйство: с голова не опухали...

Клавдии Георгиевич Егоровой 83 года, и большую часть из них она прожила в Первом Мая. Родилась неподалеку, в Кобыляках (между нынешней Комаровкой и Дубровкой). Рассказывает:

— Мы из Кобыляк, там наш дом

был четвертым от границы, бегали сюда за орехами. Зачем выкорчевали?.. А переехала я сюда в 1937 году уже замужней. Жили в барском доме, поделенном на квартиры. Муж отслужил и на войну ушел. При фантастах здесь был лагерь военнопленных, а нас после освобождения Кингисеппа, когда начались бои за Нарву, переселили в Марфицы. Здесь шесть наших «майских» семей прожили год. Колхоз организовали, я была

фон Корфа не видят сегодня своей полумызы с останками барского дома и потерявшую бытную индивидуальность деревенскую улицу, застроенную в основном стандартными домами по совхозным проектам. Июльскую дневную жару подогревает несущийся с завалинок сочный русский мат. В деревне онять «ЧП», опять запил пастух, проработав всего две недели.

тот по завершению пастбищного сезона нашел работу на одном из предприятий города. А вот своим, деревенским, хорошая настьба не по плечу.

уже о разнообразных овощах или ягодниках. Вот это наиболее удивительно при масштабе местной безработицы.

Подсобные хозяйства в Первом Мая на плечах женщин в возрасте бабушек и прабабушек: за 70 лет В. В. Ознобиной, П. П. Семеновой, К. Г. Егоровой, З. В. Яковлевой, М. Г. Руссу, немногим младше другие труженицы — М. И. Падукова и В. А. Лебедева, А. И. Харланова. В эти дни собирают в деревне мед со своих пасек Э. И. Горчиненко, В. Ф. Сытко, Л. Р. Кякинен — все женщины.

Молодежь же поглядывает в сторону города: не найдется ли там работы. Землю кормилицей не считают, слишком тяжел труд на ней, а отдача — сомнительна. Ведь даже полив грядок — и то проблема. А питьевую воду приходится носить через всю деревню.

— На что же живут люди? — спрашиваю у старосты деревни.

Оказывается, кое-какие деньги дают промысел металлом, поиски которого, признаюсь, делают честь смекалке русского человека. Наиболее «отчаявшиеся» с надеждой посмотрят на подрастающий урожай чужих огородов.

— Ну, а в основном болтаются люди по деревне, — говорит староста.

Болтаются вместе с ними и дети, которых некому приучить к работе на земле, перенимают повадки родителей. Любимейшее занятие взрослых — вышивка. Занятие это вполне в русских традициях.

— Но ведь в традициях было и трудолюбие, — заметила в разговоре со мной научный сотрудник Кингисеппского краеведческого музея Валентина Ильинична Ищенко. — Сколько винокурен стояло вокруг Ямбурга, но ведь процветала земля...

Возможно, и дело процветания деревни не столь уж безнадежное? Появилось в Первом Мая фермерское хозяйство «Возрождение». Его владелец очистил от почти вековой грязи один из прудов усадьбы фон Корфа. Бывшие совхозные дома продают дачникам, которые показывают образцы трудолюбия на своих свекольно-морковных грядках. Подтягивается в деревню кое-кто из жильцов домов городского типа поселка Кингисеппский. Набирает силу хозяйство переехавшего в деревню Ю. В. Мантуя. И если бароны и баронессы вряд ли будут гулять по деревенской улице, лавируя в потоках мчащихся автомобилей, то хризантемы в некоторых палисадниках вполне могут зашевелиться.

Хорошо, что сегодня коров не выгоняла, не хотели утром вставать, — устало рассказывает мис староста деревни Екатерина Развожаева.

Деревенское стадо сегодня — это 16 коров, четыре теленка, шесть овец. За настьбу каждой коровы в течение месяца пастуху платят по 50 рублей, по 35 рублей — за теленка, по 10 рублей — за овцу. Выходит тысяча в месяц, да еще каждый владелец коровы ежедневно отливает пастуху по литру молока. И все равно пастухи не держатся. И так из года в год. Хотя деревня пропита на духом безработицы, занять вакантное место пастуха никто не спешит.

Вспоминают, что вот лет пять назад хорошо пас с весны до осени некий Коля из Нарвы. Хвалият настьбу Валерия, переехавшего из Петербурга, но

Поражает в сегодняшней деревне какая-то неприкаянность. После ликвидации совхоза, который давал работу на местной ферме и на полях, бывшим дядякам, трактористам и пастухам предложили оформить на землю — от 2,5 до 3 гектаров, в зависимости от стажа. И что же? От пасек, в основном, отказались: не было

техники для обработки земли. Во дворе у Ознобининых третий год стоит неисправный гусеничный трактор, доставшийся при разделе совхозного имущества 76-летней Вере Васильевне — главе семьи, бывшей дядяке. Этую технику «водят до ума», не располагая никакими средствами, кроме собственной смекалки, внук Алексей.

В Первом Мая 34 дома, но далеко не в каждом живут владельцы личных подсобных хозяйств (коров-то 16). Более того, имея под боком огород, далеко не все сажают на нем даже картофель, не говоря

... Хорошо, что потомки барона